Глава 225 В плену

К этому времени Чэнь Жун сполоснулся, переоделся в принесенные ему одежды и теперь пытался уснуть.

Вот только сон не приходил. Он не только не мог заснуть, но и бодрствовал, холодно глядя перед собой. Оставалось только выйти из палатки, чтобы как-то отвлечься и успокоиться. Флер нервно хлестал во все стороны, плетями, словно щупальца бешенного осьминога. Задетые ими воины замирали испытывая что-то вроде удара током.

Он отошел к блажайшему костру-очагу. Да, Войско ху не имело представления о походных кухнях. Он даже головой покачал, Жань Минь мог бы и поделиться с братом. Хотя именно походные кухня у него была уже после исхода из НаньНьяна, а уж войско переняло эту мысль буквально недавно... Может они еще и не пересекались после того.

Перед ним была яма для костра, в которой жарилось мясо. Рядом стояли прекрасное вино, тушеное мясо и бульон. Было также несколько женщин Хань, которые либо плакали, либо соблазнительно улыбались окружающим мужчинам. Чэнь Жун на мясо посмотрел с глубоким сомнением. Конечно это могла быть и баранина… Но уже зная Сянбэй…

Множество костров освещали землю, как будто это было днем.

Среди смеха и шума люди время от времени поглядывали на костер в центре. Даже капитаны в этот момент игнорировали кокетство своих женщин, чтобы привлечь их внимание к центру.

В самом центре горел костер. Рядом с ним сидел юноша, одетый в красное ханьфу. Его красивое лицо сияло так же великолепно, как пламя, его естественно очаровательные губы и глаза были еще более восхитительны от света пламени.

Несмотря на то, что он свирепо смотрел, его кристально чистые глаза цвета небесного нефрита сверкали мощной жизненной силой. Его жадеитовая кожа казалась почти прозрачной на фоне красного пламени и ткани ханьфу.

Он выглядел таким благородным, грациозным и холодным. Словно небесное божество или его земное воплощение.

Время шло, и настороженные глаза становились все более и более обжигающими.

И все же ху, которые могли легко бросить даже женщину, с которой они спали, в огонь, и ее сожрать в прямом смысле, (своих это не касалось, только чужаков)не осмеливались сказать ни одного дразнящего слова. В войске были и женщины, женщины ху не многим в поведении отличались от мужчин. Поэтому для воинов было непринципиально, кого брать на ложе. Особенно в походе где ценилась более жизненная получаемая от партнеров, для того чтобы

выжить в бою, а не чувства.Последнее было роскошью и могло касаться только вождей или торговцев, хозяев больших табунов или отар. Но никак не простых воинов. Даже начинающие маги обычно не располагали особыми привелегиями, хотя Мужун Кэ уже старался их прибирать и отсеивать из основной массы пушечного мяса.

Он мог только завидовать брату, у того было отбороное войско, которое он жестко готовил, и в нем было много одаренных обученных и преданных лично Ши Миню. У него же был сброд, сборная солянка не слишком порой ему подчиняющаяся. Но очень многочисленная.

Последний раз он встречался с братом в столице, где тот принял регалии и принял от него, князя Ши кровные клятвы. Теперь следовало привести к присяге остальных князей, что было не простой задачей. Пока из 12 ти отметились только пятеро. От остальных можно было ждать бунта в любой момент. Поскольку по стране курсировали слухи, один противоречивее другого.

Кто-то все еще считал, что был коронован Сыма Чжан, неодаренный внук министра Фэн, едва не сгубившего династию. Другие считали, что уже Ван Цилан, сбросил Чжана, и это можно было оспорить по закону,поскольку у многих были одаренные наследники; некоторые твердили о том, что новый император не законен, поскольку были уверены, что правит старый император под контролем пленивших его ху, и пока он жив, иного императора быть не может. Кое-кто уже знал о восшествии ЖаньМиня, но не были уверены в законности претендента. Эту законность не смели оспорить князья, знавшие о магии императорских регалий, Но вот те же Жуань, сменившие Жань этого не знали, ибо знания о таких вещах были сакральными и передавались исключительно меж одаренными. Так что княжество Жань можно было считать обезглавленным.

Миссия порученная братом, не была легкой. Хуже всего что при этом приходилось контролировать свое сборное войско, где хватало отрядов племен, присоединившихся исключительно с целью пограбить центральную империю о богатстве которой ходили сказки. Ну что скаать… пока поход окупался. К тому же немногие стычки, часть из которых и вовсе была срежессирована вместе с братом и имела своей целью убрать зарвавшихся вождей, почистили от конкурентов и разбойников-бунтовщиков его собственное княжество.

Если бы у брата не сложилось с законным восхождением на престол, то они неплохо бы правили и Шу. И да, нужен был омега. Изначально он предполагал, что это будет Цилан. Хоть омега был избалован и того же Жань Миня в восторг не приводил, он искренне считая того парой. Но по поведению брата он понял, что появился кто-то иной. Первый раз он увидел того при встрече обоза… но даже не рассмотрел. Понял лишь, что кто-то есть, и это не Цилан, хотя Цилан там тоже был. Но интерес брата распространялся не на него.

И это было странно.Второй раз он увидел юношу с Циланом в МоЯне, куда он пришел не только ради Цилана, но по большей части ему было надо подогнуть храмовый город Империи…

Не сказать что осада оказалась ошибкой. Но кто-то смог угадать слабое место его войска. Точнее умно воспользовался информацией. Он под прикрытием осады решил убрать часть самых наглых и крикливых вождей, но этим показал, где есть слабина в осаде. Сначала он думал что прорыв спланировал Цилан, позже узнал, что как раз этот омега. То ли обладающий

даром предвидения, то ли просто хороший стратег. Было и то и другое мнение у его советников. Город, немного пограбив, он передал брату. Но мальчик во время прорыва произвел весьма неплохое впечатление, он даже приказал не преследовать прорвавшихся, чтобы не зацепили случайно, хотя охраны вокруг омег хватало. Были даже демонические порождения — вампиры. Как тоже позже узнал, там был и сам Принц Мо. Избавившись с помщью прорыва от смутьянов, польза все же от оперции была не малой, удалось, и проконтролировать войско, сильных погромов в городе не было и храмовую часть и вовсе не тронули. Опять таки позже братец рассказал, что большинство простых горожан и простолюдинов как раз в подземельях храма и переждали захват города. По слухам туда их отправил «Поцелованный Небом».

И конечно это не мог быть Цилан, тому на простолюдинов было наплевать.

Ну и парадным выходом можно было считать бой под Наньньяном. Он не собирался захватывать город от него его должен был «отогнать» Жань Минь. Но вот на деле он осознал мощь омеги в силе. Это учитывая что тот еще едва оперился, совершенный ребенок.

После этого стало понятно отчего потом братец объявил того своей парой перед небом.Так что он прекрасно знал кого ворует. Оставалось дождаться спасителя чтобы пара наконец помирилась и нашла себя. Ах, какая это мука — соединять поссорившихся возлюбленных!

Издали он разглядывал изящную фигуру, наконец мог рассмотреть и оценить со всех сторон. Отповедь мальчишка сделал по делу, он не сомневался что их ожидает большой голод. Однако его люди уже разведали перевалы через ТяньШань – Северные горы. Так что оттуда уже стало понемногу поступать продовольствие в его схороны в горных долинах. Попутно после ЛоЯна он стал налаживать контакты с купцами через Чэнь Цзюланя. Тот не раз бывал в Ши с торговыми караванами. И предмет знал. Конечно, это не полное спасение от голода, но немного поможет.

Главное чтобы не случилось других бедствий типа Засух или потопов. Нынешняя засуха в западных центральных равнинах настораживала. Как он помнил из хроник засушливые годы непременно шли вереницей нодва тни, это зависело от лунных циклов. За подобными циклами следовал звездный дождь, чем засуха бывала сильнее, тем дождь интенсивнее. Конечно, не такой, как легендарный такой по монастырским хроникам бывает раз в тысячу лет, но и слабый подбрасывает «свежее» звездное семя.

Через некоторое время эта красавец в красном холодно спросил: — Муржун Кэ, что ты собираешься делать? — Это был мягкий голос Чэнь Жуна.

Тонкие губы Мужун Кэ изогнулись вверх под бронзовой маской. — Не расстраивайся, А Жун. Посмотри в зеркало перед собой. Держу пари, ты все еще не знаешь, что можешь быть таким красивым? Тск-тск, какое потрясающее зрелище. В великой империи Янь много красивых женщин и мужчин, но никто из них не так очарователен, как ты. Ради такой красоты жгли дворцы, разрушали города и завоевывали страны.

Перед ним стоял стол, на нем лежали мясо, выпивка и зеркало. Две ханьские женщины стояли на коленях по обе стороны стола. Когда Мужун Кэ закончил говорить, они подняли зеркало,

чтобы Чэнь Жун мог посмотреть на себя.

Мужун Кэ неторопливо повернул голову. За бронзовой маской его глубокие глаза пристально смотрели на Чэнь Жуна. — Держу пари, твои лицемерные соплеменники не знают, как оценить эту сторону твоей красоты, — хмыкнул он, оглядев его с ног до головы. — Тск-тск, они даже дали тебе это скучное синее одеяние. Какое преступление, какое преступление!

Увидев наглые глаза Мужун Ке, Чэнь Жун стиснул зубы и выпрямился.Тот явно хотел его выставить легкомысленной давалкой.

Никто не должен был знать, что его ладони были влажными.

Он был далеко не так спокоен, как казалось. Он ничего не мог с собой поделать. Любой хань, запертый в армии ху, где воины глядят на тебя бесчисленными горящими глазами, словно желающими проглотить заживо, не смог бы сохранять спокойствие.

Самое главное, он был искалечен страхом. Он не сомневался, что до тех пор, пока Мужун Кэ будет владеть им, эти все более одержимые солдаты разорвут его в клочья.

Никогда раньше Чэнь Жун не чувствовал себя так, как сейчас, что смерть, возможно, была лучшим наказанием. Пока он этого хотел, генерал Ху на его глазах мог легко сделать его жизнь хуже смерти, так что он не мог ни жить, ни умереть… Будь он маг или немаг, имей он его знания или не имей. Это тело еще не готово к подобным потрясениям и противостоянию. Он может победить нескольких, даже подчинить может, десяток, но тут их тысячи…

В свете костра Мужун Кэ смотрел на капли пота , выступившие на верхней губе Чэнь Жуна, и не мог удержаться от ухмылки.

Это была дьявольская улыбка.

Он медленно наклонился к Чэнь Жуну.

Он подходил все ближе и ближе, дыша ему в лицо. Чэнь Жун не двигался, он не осмеливался. На него смотрело так много похотливых глаз, что он боялся спровоцировать его, чтобы солдаты не подумали, что их командир не интересуется им.

Холодная бронзовая маска слегка прижалась к его лицу.

Ледяной холод заставил его содрогнуться в этот момент контакта.

Он прижался к нему и прошептал: — Ароматный пот, шелковистая гладкая кожа, неудивительно, что начитанный Цилань из Дома Ван и хладнокровный Жань Минь оба

посвятили себя тебе.

Он скользнул языком по его губам и рассмеялся, когда он напрягся. —А Жун.

—Если твой Цилан не придет, и Жань Минь тоже, ты последуешь за мной в город Цзи и станешь моим наложником? — он вел переговоры с ним своим магнетическим голосом.

В этот момент он тихо рассмеялся. — Если они придут с намерением спасти тебя, тогда я открыто займусь с тобой любовью. Тск, я попробую тебя на вкус и позволю двум твоим упрямым цзиньским мужчинам думать об этом всю оставшуюся жизнь. Это будет очень интересно, как ты думаешь, А Жун?

Чэнь Жун не ответил.

Мужун Кэ медленно оторвался от его губ. Откинув голову назад, чтобы сделать еще один глоток алкоголя, он с интересом уставился на Чэнь Жуна.

Наконец, Чэнь Жун, который успокоился, повернулся к нему.

Он посмотрел на него и тихо сказал: — Все говорят, что Мужун Кэ из Жань, несмотря на то, что он Ху, благоразумен и щедр. Что у него есть устремления Чжоу Гуна и преданность Чжугэ.

Он со вздохом нахмурился. — Но даже как омега, я разочарован твоим отношением ко мне.

Он встал и сделал шаг вперед. В свете костра его красный наряд казался кроваво-алым, его невероятные глаза были одновременно спокойными и грозными. — Я, подросток, не побоялся вступить в драку в Наньньяне. Разве ты не считаешь, что я достоин твоего уважения?

Он остановился, затем спокойно посмотрел на Мужун Кэ и неторопливо сказал: — Дай мне честь или дай мне смерть. Разве не в вашей традиции уважать врага? — Он покачал головой и тихо добавил: — Я чувствую, что заслуживаю вашего уважения. Но, конечно, если вы настаиваете на том, чтобы унизить меня, то мне больше нечего сказать.

Его мягкий голос нес благодать и покой, как вода из родников.

В этой ситуации и под этими угрозами его самообладание было по-прежнему превосходным, и убедительно красивым.

Самое главное, он так хорошо знал Мужун Кэ, что его тон и выражение лица оставались открытыми и честными.

Мужун Ке внимательно изучал его.

Его губы изогнулись в кривой улыбке, когда он повернулся и сделал еще один глоток вина из глянянной бутыли.

Чэнь Жун высвободил свои сведенные судорогой руки и сел, когда увидел, что он игнорирует его.

Он опустил глаза, чтобы посмотреть на танцующие языки пламени, и вздохнул с облегчением: Молодец, А Жун. Ты сделал хороший первый шаг. Даже если у него и была идея унизить тебя, она уже должна быть отброшена?

В это время прозвучал глубокий голос Мужун Кэ: —Ты отличаешься от других, даннэ.

Чэнь Жун с улыбкой ответил: —Твое поведение только что не было похоже на твое, а скорее на поведение моего Цилана. — Заставляя носить красный наряд, помещая в центр внимания, заставляя страдать, и делая сладкие угрозы.

Кэ вздохнул после паузы. — Говоря о нем, Цилан никогда не перестает ставить людей в беспомощные ситуации. — И все же этот мальчик явно скучал по нему, судя по тому, что они могли видеть на его улыбающемся лице.

Тоска и любовь были душераздирающими. Бессознательно Мужун Ке обернулся, чтобы посмотреть на него.

Чэнь Жун смотрел в небо. Из-за ярких огней часть неба покраснела, и звезды затуманились.

Он сморгнул слезы. Он ошеломленно посмотрел на небо и сказал: — Он не придет, и Жань Минь тоже. У твоего брата сейчас сложный период — он должен закрепиться на троне Цзянкана. Там хватает заговоров. А для Цилана я слишком ничтожен, опекающие его слуги не отпустят наследника, чтобы он рисковал…

Его улыбка внезапно прояснилась, когда он в следующий раз спросил: — Генерал, вы, должно быть, уже знаете мой темперамент. Когда придет время, я попрошу только умереть незапятнанной смертью.

Он смотрел на него ни с печалью, ни с радостью, умоляя: —Я думаю, что я единственный омега в этом мире, который спокойно принял бы свою смерть. Если они не придут, и я стану бесполезен для тебя, ты даруешь мне достойную смерть?

За бронзовой маской глаза Мужун Ке не мигая смотрели на его спокойное лицо.

Медленно он вздохнул и сказал: —Неудивительно, что Ван Ци со всеми своими средствами не может ни заполучить тебя, ни отпустить.

Сказав это, он опустил взгляд. Вспышка отчаяния рассеялась так же быстро, как и появилась.

Через некоторое время он кивнул в выжидающие глаза Чэнь Жуна. — Я даю тебе обещание.

Лицо Чэнь Жуна просветлело, когда он услышал эти слова. Он встал и осторожно поклонился ему: —Спасибо, что выполнили мою просьбу.

Мужун Ке откинулся назад.

Он все еще смотрел на А Жуна из-под маски.

Он рассмеялся и вдруг сказал: —Я тоже так думал. — Отвечая на вопросительный взгляд Чэнь Жуна, он приподнял губы, чтобы сказать: — Я не думаю, что они придут. Я только хотел сбить с толку Ван Ци и Жань Миня, похитив тебя. Но теперь…

Он пристально смотрел на Чэнь Жуна; его глаза не пытались скрыть восхищения и удивления. — Я больше так не думаю. А Жун из Дома Чэнь, они обязательно придут. Даже если они не придут сами, они сделают для вас все возможное.

В то время как Чэнь Жун скептически нахмурился, его голос продолжал проноситься мимо, как ветер: —Они проживут остаток своей жизни в пустоте, если не попытаются спасти такого омегу сейчас.

Это была очень высокая оценка.

Чэнь Жун посмотрел на Мужун Ке. Он увидел его профиль, обращенный к небу, который излучал вечное одиночество за бронзовой маской.

Он подозвал одного из охранников Мужун Кэ и прошептал ему: —Принеси мне цитру.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Мужун Кэ, и, увидев, что тот погружен в свои мысли, обдумал просьбу и кивнул ему.

Вскоре ему принесли цитру.

Чэнь Жун сел в позу лотоса и положил руки на струны. Когда его пальцы заиграли, в воздухе зазвучала мелодичная песня.

Он пела под музыку, принятую у северных кочевников:

“В северных землях есть краса;

Несравненный и гордый, он стоит.

Города падают с первого взгляда;

На втором — царства людей.

Но как быть с павшими городами и королевствами?

Ибо когда мы снова увидим эту красу...” (1)

(Автор: Ли Яньянь).

Этот радостный напев, прославляющий прекрасного внешне человека, но он принял меланхоличный оборот, когда его пел Чэнь Жун. Особенно потому, что он повторил "когда мы снова увидим красу", выражая влюбленность и разбитые надежды.

Это было так, как если бы он говорил всем, что однажды ушедший ушел навсегда. Будет только один, и никогда другой. Они могут найти кого-то красивее, но никто из них не будет таким же.

Как будто он говорил всем, что мир всегда был таким, что люди и вещи уникальны. Как только что-то ускользнет из нашей жизни, его след никогда больше не будет найден. Однажды мы обнаружим, что любой единственный момент красоты будет зафиксирован на вечность... чтобы никогда больше не повториться.

Его выступление иллюстрировало независимость, великолепие и изысканность. Так что его душевная боль доводила людей до слез. Честно говоря слова Принца Мо о том, что омеги возращаются в мир, перерождаясь, оставались лишь словами; а личность Принца Наньяна не вызывала доверия у Жени. Если бы так оно было в будущем, то там омег было бы не протолкнуться. Но их по-прежнему было мало. Он сам перенесся случайно, из-за того ритуала, в который определенно было влито невероятно много сил.

Глаза Мужун Ке невольно покраснели.

Не дожидаясь, пока музыка смолкнет, он встал и зашагал вперед.

Охранники поспешили за ним. Он заставил себя посмотреть на Чэнь Жуна, который мирно и красиво играл на цитре, и понизил голос, чтобы сказать: — Да будет известен мой приказ:

никто не должен прикасаться к нему.

—Да!

Приказ “никому не прикасаться к нему” без труда дошел до ушей Чэнь Жуна. Его руки взмыли по струнам, заставляя мелодичные звуки цитры кружиться еще сильнее.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/1285/36275